

Наконец оказавшись в комнате, Чжуан Фэй обулся в расшитые золотом шелковые туфли на подошве из теплого нефрита, привел себя в порядок и ступил на заранее разостланный ковер.

Его наряд был невероятно тяжелым. Едва Чжуан Фэй вышел за порог Павильона Хуакуй, к нему тут же с поклоном подбежал сяоши в атласном халате цвета морской волны. Протянув руку, он поддержал Чжуан Фэя за левое запястье — это называлось «поддерживать главного» во время традиционного шествия. Обитель забвения занимала огромную территорию, а улицы Цветочного квартала перекрещивались самым замысловатым образом. Общая протяженность маршрута составляла более сорока километров, и обойти его целиком нужно было за три дня, что становилось тяжелейшим физическим испытанием для самого побериэля.

Впрочем, для обладателя титула это была и величайшая честь.

Во время выхода каждый участник шествия улыбался и веселился, но только не побериэль: он должен был держаться с достоинством, и каждое его движение обязано было излучать безупречную красоту.

В процессии шествовало двенадцать запевал: восемь впереди — отбирали самых крепких мужчин, которым поручалось нести роскошные фонари, тяжелые парадные зонты-хуагай и изящные серебряные зеркала с выбитым на них именем победителя. Их задачей было явить имя побериэля народу. За ними следовали двое детей пяти-шести лет, несших шелковые опахала с вышитым именем, а следом — пара малышей семи-восьми лет с корзинами, доверху наполненными лепестками цветов. На каждом повороте они осыпали ими дорогу, а через равные промежутки пути были расставлены запасные корзины. Замыкали эту детскую группу мальчики одиннадцати-двенадцати лет, раскрывавшие красивые зонты прямо за спиной побериэля.

Одним из тех мальчиков с зонтами как раз и был тот миловидный паренек, что носил еду Чжуан Цинхуну.

Шестеро детей выстраивались трапециевидным клином, а побериэль шел посредине, сопровождаемый лишь одним сяоши тринадцати-четырнадцати лет, поддерживавшим его за руку. Им надлежало двигаться неторопливой, исполненной величественной красоты походкой. Следом за ними шли охранники Цветочного дома — все как на подбор высокие и мощные. Выстроившись в два ряда, они создавали поистине внушительное зрелище. Среди них затесались музыканты, искусно владевшие бамбуковыми флейтами и цитрами, так что звуки музыки не смолкали ни на минуту, а размах шествия поражал воображение. Завершали процессию еще четыре глашатая, чьей задачей было вновь напомнить толпе имя побериэля.

Ступая по устланной коврами улице, Чжуан Фэй вдруг поймал себя на мысли, что происходящее немного забавно: пожалуй, даже выезд самого императора не привлек бы столько внимания. Тротуары были забиты простым народом до отказа — люди вытягивали шею лишь бы взглянуть на него хоть одним глазком, толкались и давили друг друга ради мимолетного мига. Грамотеи уже давно разнесли его имя по всей округе. Говорили, что Цветочный дом даже пригласил множество литераторов, занявших лучшие места в окнах выходящих на улицу домов, чтобы те после церемонии сочинили в его честь хвалебные оды.

Спустя три дня его имя гремело бы на весь мир — именно тогда человек и становился истинным побериэлем.

На время шествия все Цветочные дома закрывались, а здания с удачным расположением превращались в смотровые площадки. Стоило заплатить цену, и отпадала необходимость толкаться на улице — это был лучший выбор для отпрысков знатных семей и влиятельных вельмож.

Будучи центром притяжения бесчисленных взглядов, Чжуан Фэй оставался невозмутим и шел вперед так, будто вокруг никого не было.

\*\*\*

В одном из Цветочных домов статный и красивый мужчина прислонился к окну, неотрывно глядя на Чжуан Фэя. Тихонько усмехнувшись про себя, он пробормотал:

— Разве он не прекрасен? Не ожидал, что по возвращении в столицу мне выпадет такое удовольствие... Прекрасно. Пожалуй, я повременю с отъездом.

Стоявший рядом телохранитель исправно и преданно исполнял роль безмолвной деревянной статуи.

\*\*\*

В резиденции князя Цзинь, в его собственном кабинете, Ци Цзин внезапно швырнул тяжелую тушечницу в стоявшего на коленях стражника. Опираясь обеими руками о стол, он дрожал от гнева:

— Что ты сказал?! На этот раз побериэля зовут Чжуан Фэй? Почему не доложили раньше?!

Стражник опустил голову еще ниже, и кровь из разбитого лба, смешавшись с тушью, измазала ему всё лицо. Он не понимал, в чем провинился — ведь он действовал строго по приказу хозяина, — но заслужил лишь свирепую выволочку. Возразить он не смел.

— В вон! — взмахнул рукавом Ци Цзин.

У стражника потемвело в глазах, изо рта хлынула кровь, и он, спотыкаясь, попятился к выходу!

\*\*\*

Трехдневное шествие подошло к концу, и, как и предполагалось, имя Чжуан Фэя приобрело

совершенно иной смысл, окончательно превратившись в желанный для всех символ.

Наконец подходил к концу и тайный аукцион.

Закрытые торги были продуманы чрезвычайно хитроумно. Каждому участнику требовалось лишь заплатить десять лямов серебра за именную карточку из Павильона Инъюэ Чанфэн, вписать туда предлагаемую сумму и передать управляющей Хун Ли.

Карточки можно было брать с самого первого дня после шествия и вплоть до объявления того, кто предложит больше всех.

Все жаждали заполучить этот шанс, но никто не знал наверняка, сколько готовы выложить остальные. Поэтому каждый называл максимальную сумму, которую был способен осилить, и в то же время не испытывал досады из-за переплаты — это был поистине гениальный способ.

Разумеется, сам Чжуан Фэй не мог наблюдать за торгами со стороны, да в этом и не было нужды. В этот момент он находился в роскошном Павильоне Хуакуй, где трое сяоши помогали ему принимать ванну.

Погруженный в теплую воду, Чжуан Фэй безвольно позволил слугам ухаживать за собой. Трое сяоши переглянулись, и на душе у каждого отлегло. Побериэли издавна славилась капризным нравом, но этот юноша обладал на редкость мягким характером, что для них было несомненным благословением. Когда омовение завершилось, двое сяоши облачили Чжуан Фэя в нижнюю сорочку из тяньцаньского шёлка. Третий сяоши бесшумно подошёл к нему сзади, опустил на коренья ног и запустил руку под длинные одежды Чжуан Фэя. Что-то холодное и гладкое уперлось в ту сокровенную часть тела, о которой не принято говорить вслух.

Чжуан Фэй ошеломленно взглянул на стоявшего рядом сяоши.

Тот потупил взор, его лицо со следами морщинок излучало кротость, а в голосе проскользнули угодливые нотки:

— Чжуан Фэй, это мазь Фуюй. Её лично приготовила статная наставница из нашего заведения, сведущая в травах... Она очень полезна для тела... и поможет тебе перенести грядущую ночь с меньшей болью.

Чжуан Фэй закусил губу и расслабил тело.

Сяоши хлопнул в ладоши, и шестеро служанок гуськом вошли в комнату, неся изысканные наряды. Двое сяоши помогли Чжуан Фэю подняться на ноги и облачили его в эти роскошные одежды. Наряд украшала лишь тонкая вышивка без единой жемчужины или драгоценного камня, но выглядел он невероятно красиво — в нём Чжуан Фэй напоминал распустившийся цветок дикой камелии.

У Чжуан Фэя слегка подкашивались ноги. Три дня шествия по улицам дались нелегко, а вдобавок к этому сказывалось то, что ему пришлось стоять на коленях в снегу; стоило сделать шаг против ледяного ветра, как колени и суставы начинали болеть так, будто их дробили на куски.

Сменив одежду, Чжуан Фэй посмотрел в серебряное зеркало. Глаза юноши были влажными, а сам он хорош до того, что казался каким-то демоническим духом. В воспоминаниях прежний Чжуан Фэй не обладал такой стати, а позже и вовсе пропах густой пудрой и румянами, уступая нынешнему в красоте. Чжуан Фэй не знал, было ли дело в том, что он сам отличался от того Чжуан Фэя, но всё же невольно зажмурился.

Прекрасно зная, что я — это не ты, ты всё равно шла напролом. Я — не ты, но несу на себе все твои надежды, являясь твоим последним упованием. Раз так, я должен прожить эту жизнь с тем сиянием, которого у тебя никогда не было.

Стоит вытянуть силу души, и ты, некогда бывшая Чжуан Фэем, исчезнешь навсегда. Утратив все воспоминания и наваждения, ты превратишься в чистую, белоснежную душу и покинешь Беспредельный город. Чжуан Фэй... больше не останется никакого Чжуан Фэя.

Пусть то, что я делаю, не назовешь благородным, но пока я нахожусь в твоём теле, я постараюсь сделать всё от меня зависящее, в пределах собственных принципов доведу дело до того, чтобы ты обрела вечный покой.

У двери раздался стук. Аукцион завершился, и теперь тот, кто предложил самую высокую цену, ждал в самой роскошной и просторной опочивальне Павильона Хуакуй. Когда Чжуан Фэя проводят туда, все остальные должны будут покинуть Павильон Хуакуй, оставив их двоих наедине, чтобы они вкусили все радости ложа.

Чжуан Фэй снова открыл глаза. Мимолетное колебание исчезло, и его взгляд вновь стал мягким и благопристойным.

Слуги проводили Чжуан Фэя лишь до дверей опочивальни и безмолвно отступили назад. Чжуан Фэй глубоко вздохнул, левой рукой придержал правый рукав и, толкнув дверь, вошел внутрь.

Обойдя ширму, он увидел, что на дорогом столике из красного дерева уже расставлены изысканные сладости, вино и благовесные фрукты. Какой-то мужчина сидел за столом, поигрывая чашечкой вина в руке. Чжуан Фэй успел заметить его тёмные одежды и длинные пальцы.

Чжуан Фэй ощутил на себе его жгучий взгляд. Подняв глаза, он испуганно замер — перед ним сидел никто иной, как Ци Цзин.

И во взгляде его читалась неприязнь.

Это заговор. В голове Чжуан Фэя молниеносно промелькнула эта мысль, которая тут же разрослась, подобно подхваченному ветром семени, став неудержимой: почему двое главных красавцев Башни Биси вдруг обезобразили себя лицами, почему позволили Павильону Инъюэ Чанфэн перехватить бремя проведения конкурса главных красавиц, почему Хун Ли так жестоко давила на Чжуан Цинхуна — всё, абсолютно всё указывало на этого главного кукловода, Ци Цзина. Он хотел полностью уничтожить Чжуан Цинхуна.

Всё верно. Пусть сейчас он ещё не испытывал к Чжуан Цинхуну тех глубоких чувств, нет, именно из-за отсутствия этой привязанности, от которой невозможно отказаться, чувство предательства не было столь ослепляющим. Но узнав, что Чжуан Цинхун использовал его, разве он не должен был прийти в ярость и захотеть уничтожить его? Причем уничтожить вслепую, не заботясь о последствиях? Настолько, что, узнав правду из уличных сплетен лишь после того, как он сам уже прошел позором по улицам, дело было уже решено?

Теперь же, когда он занял место Чжуан Цинхуна, Ци Цзин, должно быть, вне себя от бешенства. Выкупил ли он его, чтобы издеваться и выпустить пар? Или же...

В голове пронеслись бесчисленные мысли, но внешне Чжуан Фэй оставался совершенно спокойным. Он опустился на колени, отвесил поклон, а когда поднял голову, Ци Цзин уже схватил его за подбородок.

На губах Ци Цзина играла лёгкая улыбка, но пальцы сжались с немалой силой. Он пронзил Чжуан Фэя взглядом и процедил:

— Чжуан Фэй? Чжуан Фэй? Первый красавец? Как же я забыл, что рядом с ним есть такой преданный слуга. Какую же великую милость он тебе оказал, раз ты добровольно опустился до такой низости и стал шлюхой? А?!

— Если Ван желает унижить Чжуан Фэя, то остальные слова излишни. — Чжуан Фэй протянул руку, отстранил пальцы Ци Цзина и, горько усмехнувшись, произнес со строгим выражением лица: — Это мой выбор. К господину он не имеет никакого отношения.

Да, с того самого дня у него было достаточно решимости. Что бы ни ждало его впереди, пока это служит той самой цели, пока способно завершить задуманное — он поступает правильно.

Ци Цзин опешил. Глядя на бесстрастное лицо Чжуан Фэя, он вдруг почувствовал собственное бессилие. Он просчитался, неверно оценил этого казавшегося трусливым сяоши, а потому потерпел неудачу. Чжуан Фэй испытывает антипатию к Цветочной улице — Ци Цзин это знал. Он ведь и сам когда-то лично испытывал его, пусть и под предлогом предупреждения, но впоследствии действительно пал духом. В те времена, при всем своем высоком положении князя, если бы Чжуан Фэй крепко ухватился за этот шанс, то, конечно, смог бы вырваться из столь жалкого и безвыходного положения. Однако Чжуан Фэй не сделал этого. В ту пору Ци Цзин уже знал, что у Чжуан Фэя есть самоуважение, знал, что тот ни за что не согнет спину легко, но он никак не ожидал, что ради Чжуан Цинхуна Чжуан Фэй и впрямь согласится...

И притом столь безоговорочно, проявив такую верность долгу и преданность.

Взгляд Ци Цзин блеснул: неужели слова Чжуан Фэя... означают разрыв с Чжуан Цинхуном? Впрочем, чего еще ожидать: каково нынешнее положение Чжуан Фэя и кем является Чжуан Цинхун? Этим двоим суждено перестать быть столь же близкими, как прежде. К тому же разве не благодаря этому он заполучил Чжуан Фэя без малейших усилий? И к тому же превратить Чжуан Фэя и Чжуан Цинхуна в чужаков друг для друга — прекрасная, превосходная мысль.

Подумав об этом, Ци Цзин почувствовал, что большая часть его гнева улетучилась. Он резким движением схватил Чжуан Фэя за руку, придвинулся вплотную и среди бела дня открыто чмокнул его в щеку, а другой рукой обнял за талию, притягивая к себе.

— Что, больше не дрожишь? Теперь меня не боишься?

Глядя на несколько ошеломленное выражение лица Чжуан Фэя, Ци Цзин почувствовал себя куда лучше.

— Неужели ван желает, чтобы Чжуан Фэй его боялся? — в ответ спросил Чжуан Фэй. Он уперся обеими руками в грудь Ци Цзина, но не успел оттолкнуть, как оказался накрепко заключен в его объятиях, и на него обрушился обжигающий поцелуй. Чжуан Фэй понял, что говорить больше не о чем, опустил руки и тихо закрыл глаза.

Чжуан Фэй слегка приподнял голову и дрожащими руками расстегнул одежду Ци Цзина. Он действительно наглотался какого-то возбуждающего зелья, но оно служило лишь для усиления ощущений и, конечно, не могло помрачить его разум настолько, чтобы он потерял сознание и думал только о плотских утехах.

Ему и впрямь было трудно сопротивляться телесному наслаждению, но рассудок его оставался пугающе ясным.

Огонь, пляшущий в темных глазах Ци Цзина, делал его невероятно трезвым, а это ничем не прикрытое, мощное ощущение хищнического напора и обнаженное, пылающее вожделение под одеждой — все это ясно давало Чжуан Фэю понять: стоящий перед ним мужчина по имени Ци Цзин хочет войти в него, хочет завладеть им.

Конечно, как Чжуан Фэй уже говорил ранее, ступив на избранный путь, он был готов к этому заранее.

С кем бы ни пришлось столкнуться — раз уж ступил на путь падшей женщины, не станешь же лицемерно ломать комедию, пытаясь сохранить мнимую добродетель? Человеку, продавшему даже собственную душу, к чему жалеть тело? Чжуан Фэй протянул руку и вцепился в широкую спину Ци Цзина.

Почувствовав движение Чжуан Фэя, Ци Цзин расплылся в улыбке. Впервые он ощутил, что подобного рода вещи могут приносить не только физическое наслаждение, но и столь глубокую радость. Отвечая на движение Чжуан Фэя, Ци Цзин накрыл его губы своими...

Вершина горы Ушань — вот где истинное блаженство.

Глядя на ярко освещенный Павильон Хуакуй, Чжуан Цинхун сидел в темноте Павильона Дождя и Снега, с покрасневшими, как у зверя, глазами. Пальцы до боли сжали уже расцарапанную ладонь, снова заставив ее кровоточить, и в конце концов ему оставалось лишь в отчаянии закрыть глаза.

Как мне смириться с такой безысходной судьбой? Чжуан Фэй, Чжуан Фэй, прости меня, это я

погубил тебя... Бесконечная ночь принесла лишь отчаянные всхлипывания Чжуан Цинхуна, его иступленные крики и погруженную во тьму боль, которую не способен постичь никто на свете.

Но ничего не поделать, ничего не поделать! Даже если Чжуан Фэй пожертвовал собой, взамен он получил лишь столь жалкое существование. Как бы ни терзала его жгучая ненависть, оставалось лишь терпеть — только терпеть! Это сокровище добыто ценой Чжуан Фэя, и он не смеет им не дорожить.

Палатка из тонкого шелка защищала от весенней прохлады лишь недолго, а солнце поднялось высоко, но расставаться не хотелось.

Ци Цзин впервые по-настоящему прочувствовал притягательность Обители забвения и впервые испытал глубокое крушение из-за собственной несдержанности.

Чжуан Фэй еще не проснулся. Под его глазами залегли легкие синяки, но это ничуть не умаляло его красоты — напротив, после первого познания плотских радостей выражение его лица стало еще более... соблазнительным.

Словно манящий плод, который как раз поспел.

Он ведь заставлял Чжуан Фэя заниматься этим снова и снова. Ци Цзин думал, что в пучину наслаждений погружается Чжуан Фэй, но никак не ожидал, что по-настоящему падет он сам. Он до сих пор помнил охрипшие мольбы Чжуан Фэя о пощаде, все умножающиеся багровые и синева-литые следы на его теле, бесконечные требования, продолжавшиеся почти до самого рассвета, пока Чжуан Фэй не потерял сознание...

Ци Цзин погладил Чжуан Фэя по лицу и, ощутив его легкое дыхание, почувствовал, как сердце невольно смягчается. Какое-то небывалое чувство, превосходящее простое удовлетворение и приносящее необычайную радость духу и телу, мелькнуло в голове Ци Цзина — в этот миг что-то бесповоротно изменилось.

Однако ухватить эту промелькнувшую подобно метеору мысль Ци Цзин не сумел.

Чжуан Фэй уже принадлежал ему, и он наконец почувствовал удовлетворение. Казалось, и все его прежние действия обрели объяснение. Но стоило ему вспомнить, что из-за его собственной оплошности юноша оказался обречен на неизменный статус, лицо Ци Цзина невольно помрачнело.

Красотой Чжуан Фэя хотелось наслаждаться и беречь ее лишь для себя одного.

В этот самый момент лежавший на кровати Чжуан Фэй сонно приоткрыл глаза. Ощущение физического дискомфорта заставило его невольно издать стон, после чего он заметил помраченное лицо Ци Цзина и от испуга невольно съежился, отпрянув назад.

Все говорят, что куртизанки бесчувственны, так какая же преданность может быть у тех, кто пользуется их услугами? Тем более что Ци Цзин от природы бессердечен — разве мог он измениться из-за нескольких часов ночных утех? Ради Чжуан Цинхуна тот был готов разрушить всё, не моргнув глазом и не испытывая ни малейшего раскаяния, и Чжуан Фэй не смел испытывать судьбу.

Глядя на собственные руки, а затем на испуганно отпрянувшего Чжуан Фэя, Ци Цзин почувствовал еще большее раскаяние: не стоило заходить слишком далеко, ведь Чжуан Фэй,

казалось, только что перестал его бояться, и вот теперь снова затрепетал от страха.

Взяв себя в руки, Ци Цзин отдернул руку, откашлялся и мягко произвел:

— Чжуан Фэй, ты... отдохни как следует. Ван уже велел тебя обмыть, поспи хорошенько...

Чжуан Фэй не понимал замыслов Ци Цзина: тот то мрачнел лицом, то изображал нежность. Но раз уж Ци Цзин хотел разыгрывать эту сцену, он не собирался портить ему игру. Чжуан Фэй приоткрыл рот, но горло невыносимо болело, и он умолк, лишь молча кивнув.

Видя это, Ци Цзин поправил на Чжуан Фэе одеяло и накрыл его глаза своей большой ладонью. Ощутив, как ресницы скользнули по его ладони, и почувствовав, что Чжуан Фэй закрыл глаза, готовясь уснуть, Ци Цзин тихо усмехнулся и вышел из спальни.

Едва покинув Павильон Хуакуй, Ци Цзин сразу же увидел стоявшую снаружи Хун Ли со свитой — ее любезные улыбки вовсе не радовали его. В глазах Ци Цзина улыбка этой женщины каждую секунду напоминала ему о совершенной глупости.

Именно по его собственной глупости Чжуан Фэй оказался выставлен напоказ перед всеми.

Но раз уж свершилось то, что свершилось, ему приходилось действовать по правилам. Чжуан Фэй принадлежал Павильону Чанфэн, к тому же он был новоиспеченным победителем конкурса хуакуй, и трехдневное шествие по улицам принесло ему такую славу, что Хун Ли ни за что не отказалась бы от этой самой урожайной денежной курицы. Ци Цзин немедленно озарил лицо приветливой улыбкой и обратился к Хун Ли:

— Не зря он хуакуй Павильона Чанфэн, матушка Хун Ли обладает дальновидностью, недоступной простым смертным.

Тон Ци Цзин внезапно изменился:

— Чжуан Фэй хорош всем, но прошлой ночью он немного пострадал. Я надеюсь, матушка Хун Ли позаботится о нем как следует.

В глубоких глазах Ци Цзина мелькнул скрытый смысл, и Хун Ли тут же всё поняла. Широко улыбнувшись, она ответила:

— Разумеется, будьте спокойны, ваша светлость. Чжуан Фэй — важнейший хуакуй нашего Павильона Инъюэ Чанфэн, и теперь во всей столице нет человека, который не желал бы лицезреть его несравненную красоту. Раз уж Чжуан Фэй ранен, о нем, естественно, позаботятся наилучшим образом. Вы наверняка слышаны о порядках в нашем павильоне: от лица Чжуан Фэя я обещаю два месяца покоя без приема клиентов, а дальше уж придется следовать правилам. Как вы полагаете, ван?

Подразумевалось следующее: в нашем павильоне существуют свои законы, а Чжуан Фэй — и вовсе бесценная золотая вывеска. Нельзя же прекращать дела только из-за того, что князю приглянулся этот юноша. То, что он два месяца не будет ублажать других мужчин — уже знак огромного уважения к вану, а дальше все будет зависеть от намерений вашей светлости. Если вы и вправду так любите Чжуан Фэя, то, без сомнений, вернетесь и снова выкупите Павильон Хуакуй целиком.

Ци Цзин удовлетворенно кивнул:

— Я помню, матушка Хун Ли питает слабость к ночным жемчужинам? Несколько дней назад император пожаловал мне дары, среди которых оказалась весьма неплохая партия. Как только я вернусь в резиденцию, то сразу же велю доставить их матушке Хун Ли для забавы.

— Ох, премного благодарна вашей светлости! — Хун Ли сделала изящный реверанс. — Заранее благодарю вана за щедрость, ступайте с миром.

Ци Цзин взмахнул рукавом и широким шагом удалился.

Дождавшись, пока фигура Ци Цзина окончательно скроется из виду, Хун Ли выпрямилась, провела рукой по волосам у висков и радостно рассмеялась, обращаясь к следовавшим за ней слугам:

— Видали? Вот что значит поистине щедрый и богатый человек! Подаренные императором ночные жемчужины — вещь небывалая, и он шлет их мне на забаву. Подарки нужно делать от всего сердца, попадая прямо в цель, только тогда они приносят радость. Он — человек столь высокого княжеского звания, а мог бы просто откупиться деньгами. Это доказывает, что Чжуан Фэй сумел завладеть сердцем мужчины. Если бы каждый мальчик в этом Цветочном доме обладал хотя бы половиной таланта Чжуан Фэя, матушка спала бы спокойно, не ведая забот.

Всего за одну ночь ей удалось полностью обворовать даже сурового князя.

Служанка позади нее радостно отозвалась:

— И всё же матушка проявила мудрость. Значит ли это, что хуакуй Чжуан Фэй больше не будет принимать гостей?

Хун Ли щелкнула служанку по лбу и презрительно усмехнулась:

— С чего бы это? Сколько нынче желающих взглянуть на Чжуан Фэя? Если перестать принимать гостей прямо сейчас, разве это не пустая трата времени?

— Но... разве ван не рассердится? — забеспокоилась служанка.

Хун Ли поленилась вдаваться в объяснения. По сравнению с Цинэр эта девчонка поражала своей глупостью. Все вокруг были тертыми калачами, неужто ван не понял ее намек? Если бы ради какого-то высокопоставленного лица для хуакуй ввели правило освобождения от приема гостей, это было бы поистине глупо — стоило лишь открыть эту лазейку, как положить ей конец стало бы невозможно.